

«Мне себя надо взять в руки. Я без неё не живу и с ней не живу. Я в пустоте. Отсюда тоска, нудность жизни, бесцветность, равнодушие ко всему».

«Люблю по-прежнему сильно, печально и как бы робко. Последнее, кажется, признак истинности чувства».

«Да, удивительное чувство. Логика ни йоты. Наперекор всякому объяснению. Вот хочется к ней и только. Быть, сидеть, разговаривать (о чём, не важно), ласкать, грустить».

«Хочется быть с ней, не ради чего-нибудь впереди, а только это, только вот сейчас быть с ней, больше ничего, будущего нет».

«Деньги нужны, чтобы жить, двигаться... и т. д. А ради чего двигаться, напрягаться? – Чтоб иметь деньги на продление ненужности, надрыва, утомления, нудности, иногда нервной трёпки, иногда тупой скуки и пр. Что лучше: скука или надрыв, вынужденное напряжение? И то и другое нелепо. Только этим жить нельзя. Чем же, однако, живу? Есть какие-то просветы. Она».

У человека подобной эмоционально-экспрессивной нервной энергии, подобной силы чувств, деликатности, требовательности к себе на самом деле много общего с чеховским героем.

К. Е. Павловская вспоминает: «Часто предметом семейных обсуждений у Скафтымовых было что-то из творческих замыслов Александра Павловича, судьбы литературных героев, их место в реальной жизни. Некоторые персонажи постепенно приобретали образы живых людей и органически входили в сознание членов семьи. Павлуша неизменно участвовал в этих беседах и, вероятно, немало из них для себя извлёк»⁷.

Ермолай, в устах сына Скафтымова, – высшая, мудрая, очень светлая и доверительная человеческая оценка. Пронзительная. Ермолай – тот, кто в этом мире близких людей, в мире Вишнёвого

сада всё остро, тонко и нежно чувствует, всё пробует понять, любит бескорыстно и безответно, действует отчаянно и сгоряча. Но сделать ничего примиряющего, спасительного для всех (и для себя самого!) не может и оттого искренне, до боли страдает. Он и в минуты лихорадочной радости, в часы триумфа страдает, смотрит на себя со смущением, снисхождением и досадой. Он берёт, по словам А. П. Скафтымова, «тон иронии к собственному нечаянно распутившемуся размаху» (319).

Человек дела и мечтатель – одновременно. Неприкаянный, он щедр, застенчив и неловок, умён, добр и несчастлив...

«А ты всё-таки Ермолай».

Примечания

- ¹ Скафтымов А. «И я пишу к тебе. Пусть хоть это останется». Дневник 1937 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 42–43.
- ² Там же. С. 46.
- ³ Павловская К. Послесловие // Там же. С. 51.
- ⁴ Скафтымов А. Поэтика художественного произведения / сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов; вступ. ст. В. В. Прозорова. М.: Высш. шк., 2007. (Классика литературной науки). С. 323. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁵ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М.: Наука. 1978. С. 205. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в квадратных скобках.
- ⁶ См.: Скафтымов А. «Быть перед собой честным...» Дневник 1916 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 36–42.
- ⁷ Павловская К. Указ. соч. С. 51.

УДК 921.161.1.09-2+929[Скафтымов+Чехов]

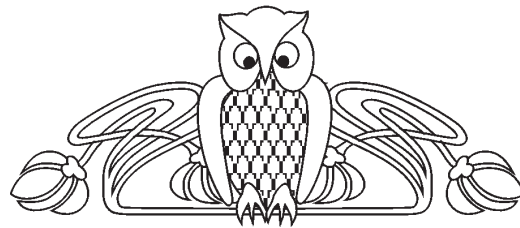
ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В СТАТЬЯХ А. П. СКАФТЫМОВА О ДРАМАТУРГИИ А. П. ЧЕХОВА

И. Ю. Иванюшина

Саратовский государственный университет
E-mail: iijyi@mail.ru

В статье рассматривается соотношение двух подходов А. П. Скафтымова к интерпретации чеховских пьес – исторического и экзистенциального; исследуется «полиглотизм» работ ученого; показывается связь его идей с нарождающейся экзистенциальной философией.

Ключевые слова: А. Чехов, А. Скафтымов, драматургия, конфликт, историческое, экзистенциальное.

The Historic and the Existential in the Articles
by A. P. Skaftymov on A. P. Chekhov's Drama

I. Yu. Ivanyushina

The article regards the correlation of two approaches of A. P. Skaftymov to the interpretation of A. P. Chekhov's plays – the historic and the existential; the «polyglottism» of the scientist's works is researched; the link of his ideas with the emergent existential philosophy is revealed.

Key words: A. Chekhov, A. Skaftymov, drama, conflict, historic, existential.

Ю. М. Лотман, по свидетельству одного из его учеников, в разных жизненных ситуациях повторял один и тот же совет: «Учите язык», подчеркивая тем самым невозможность адекватной интерпретации какого бы то ни было явления без знания имманентных свойств его языка.

Непонимание чеховских пьес современниками объясняется, прежде всего, тем, что они были написаны на неизвестном драматургическом языке. Статьи Александра Павловича Скафтымова об А. П. Чехове стали попыткой реконструкции этого языка, его грамматики, морфологии, синтаксиса. Исследователь рассматривает новую драму как семиотическую систему со сложной, неочевидной связью означающих и означаемых. А. П. Скафтымов убежден, что ее язык возникает не из стремления к оригинальности, а из потребности выразить новые смыслы: «Чехов открыл какие-то новые стороны действительности», которые потребовали «новых форм для своего выражения»¹. Эти формы исследователь считал единственными и незаменимыми и потому требующими пристального внимания.

Не менее внимательного отношения требуют и работы самого А. П. Скафтымова. Для их понимания также нужно «учить язык». В статьях о Чехове исследователь стремился сформулировать идеи, для передачи которых в советской России 1920-х и особенно 1940-х гг. не существовало адекватного языка.

Очевидно, что язык скафтымовских статей о Чехове неоднороден. В них отчетливо просматриваются по меньшей мере два смысловых и стилистических пласта. Как известно, языки с разным алфавитом способны выразить разный объем смыслов, разную их глубину. Один из механизмов смыслообразования в гетерогенных текстах – перевод, устанавливающий отношения эквивалентности между языками и одновременно обозначающий поле непереводимости, которое становится маркированным и привлекает повышенное внимание в инородном семиотическом окружении. Важным следствием полиглотизма текста является то, что он «в своей синхронности может опираться разными своими частями на память различной временной глубины»².

Именно так, на наш взгляд, построены статьи А. П. Скафтымова о драматургии Чехова.

Наиболее ошутим полиглотизм скафтымовских статей в определении основного конфликта чеховской драмы. В самом общем виде он формулируется так: индивидуальные воли, мечты, стремления героев сталкиваются с универсальными законами человеческого существования, которые Скафтымов называет «устоявшимися твердынями господствующих жизненных форм», «общим ходом вещей», «сложением жизни», «общими человеческими судьбами». По наблю-

дениям исследователя, Чехова волнует «мысль о власти действительности над людьми»: «Общий ход вещей обеспложивает их усилия»³. В таком конфликте человек не может быть победителем.

А. П. Скафтымов прямо указывает на связь чеховского пессимизма с идеями предшественника экзистенциальной философии Артура Шопенгауэра и цитирует его «Афоризмы и максимы»: «В какие бы формы ни облекалась наша жизнь, элементы ее всегда одни и те же»⁴. Как видим, и Шопенгауэр, и Чехов, и Скафтымов убеждены, что, независимо от конкретных исторических форм, фундаментальные закономерности жизни неизменны, они являются имманентными свойствами конечной человеческой экзистенции.

Язык, которым Скафтымов описывает внутреннюю драму чеховских героев, не оставляет сомнения в том, что исследователь интерпретирует эту драму как экзистенциальную: «...здесь бороться не с чем... остаётся только голый ужас созерцания *западни* (здесь и далее курсив наш. – И. И.), в какой человек оказался и откуда уже выхода нет»⁵; он отмечает «наличие душевной *неуспокоенности, тревоги*, чувства жизненной *неполноты, порыв* и ожидание чего-то лучшего»⁶. В формулировках Скафтымова перечислены практически все основные мотивы нарождающегося экзистенциализма: тревога, страх, отчаяние, безысходность, одиночество, скука, заброшенность, бессмысленность, абсурдность, отчужденность.

Традицию рассмотрения творчества А. П. Чехова в контексте этого направления европейской мысли заложил Л. Шестов в статье «Творчество из ничего (А. П. Чехов)» (1904). Сегодня о предвосхищении Чеховым экзистенциалистского мироощущения пишут многие⁷. Но и Шестов, и современные исследователи идут от уже сформулированных философских идей, набрасывая сетку экзистенциальной проблематики на произведения писателя. Скафтымов движется в противоположном направлении: он открывает ту же смысловую парадигму, опираясь главным образом на имманентный анализ текста.

Так, размышления о проблемах отчуждения, одиночества, непонимания, разрыва коммуникации возникают в статьях Скафтымова в результате анализа непривычных для современников особенностей строения чеховской драмы: нарушения сюжетного единства, фрагментарности общего хода действия, обособленности отдельных драматических линий, разорванности диалогической ткани. В свою очередь, эти «композиционно-стилистические средства» объясняются природой и характером открытого Чеховым центрального конфликта, источники которого «находятся вне воли людей». Скафтымов прямо говорит об «относительности, об индивидуальной закрытости, неразделимости и непобедимой власти субъективно переживаемого эмоционального мира»⁸ как о неустранимом зерне такого рода конфликтов: «... у *каждого* ... имеется свой и чуждый для других

круг эмоциональных пристрастий и тяготений. *Каждый* среди других – один»⁹. Одиночество предстает здесь как экзистенциал, неустранимый модус человеческого существования.

На другие экзистенциальные мотивы – скуки, тоски, времени и смерти – Скафтымов выходит, анализируя природу таких отмечаемых критикой «недостатков» чеховской драмы, как затянутость сценического действия, отсутствие на сцене движущих сюжет событий, обилие заведомо скучных разговоров и статических моментов. Эти формальные элементы оказываются в высшей степени содержательными: «...За каждой деталью ощущается синтезирующее дыхание чувства жизни в целом»¹⁰. Скафтымов приходит к выводу о том, что «мертвящая скука и тоска» – это не просто «тонус категории обихода»¹¹, но и экзистенциальная категория, открывающая «перспективу неостанавливающегося мирного равнодушия бытового потока: жизнь, знай себе, идет и проходит»¹². Трагическое звучание мотива скуки сам Чехов, а за ним и Скафтымов связывают с конечностью экзистенции, с необратимым движением времени, безвозвратно уносящим бессмысленную жизнь: «Жизнь-то прошла, словно и не жил...»¹³ Трагедия дяди Вани, по Скафтымову, в том, что «время его прошло ... и ему не для чего жить»¹⁴.

Кульминацию пьесы «Дядя Ваня» Скафтымов еще до «Бунтующего человека» А. Камю описывает в категориях экзистенциального бунта, указывая на его бесперспективность: «Борьба для Войницкого невозможна, да и не с чем бороться. Но всё же он волнуется и каким-то образом *бунтует*, хотя для его же собственного здравого смысла эти порывы и выходки *несмиряющегося чувства* представляются *очевидной нелепостью*»¹⁵.

Статьи Скафтымова открывают в чеховской драматургии и другие экзистенциальные мотивы, но для нас важен не столько очевидный факт предвосхищения *писателем* проблематики европейского экзистенциализма, сколько обостренное внимание *ученого* к этой смысловой парадигме и наличие в его исследовательском арсенале адекватного ей языка описания.

Показательно, что этот язык наиболее востребован именно на стадии имманентного анализа текста, в выводных же формулировках начинают преобладать конкретно-исторические, социально-политические мотивы и соответствующая им лексика. Здесь встречаются высказывания, полностью оставшиеся в 40-х гг. прошлого века: «В его пору создавалась и уже выступала в первых боях реальная сила рабочего класса, могильщика старого мира и создателя новой жизни. На опыте многочисленных и расширявшихся стачек в рабочем классе крепились чувства классовой солидарности, смелости, стойкости, закалялся героизм в борьбе с эксплуататорами»¹⁶. Таких деклараций в статьях Скафтымова немного, их можно целиком списать на обстоятельства времени и без потерь для авторской мысли вынести за скобки. Но и по-

сле исключения этих крайностей мы обнаружим в работах исследователя довольно значительный, неотчуждаемый социально-исторический пласт.

Важно, что язык исторического анализа Скафтымов использует для объяснения тех же явлений, которым он уже дал, казалось бы, исчерпывающее экзистенциальное объяснение. Так, наряду с размышлениями о герметичности индивидуального сознания, обрекающего человека на одиночество, Скафтымов дает трактовку этого феномена на совсем другом языке, более характерном для времени написания статей: «В то время как в периоды общественного подъема из узкого круга личных интересов человек находит выход в сфере общественных задач, объединяющих его с другими окружающими людьми, в обстановке общественного упадка человек оказывается предоставленным самому себе и не находит опоры для преодоления внутренней личной неустроенности»¹⁷. Таким образом, проблема одиночества переводится из экзистенциальной плоскости в социальную, а конфликт из принципиально неразрешимого становится исторически преходящим.

Найти такого рода противоречия в статьях Скафтымова несложно и проще всего их объяснить цензурными ограничениями. Но воспользуемся методологическим подходом, предложенным самим исследователем, и зададимся вопросом: «Видимые противоречия не охвачены ли более общим единством, где они получают целостный, разумно-дифференцированный смысл?»¹⁸

Прежде всего, двуязычие скафтымовских статей предопределено двойным кодированием самих чеховских пьес, которое столь блистательно дешифровал Скафтымов. «Двойная тональность», «двойное освещение», «двойное звучание», «двойная подкладка образов» настойчиво подчеркиваются исследователем. В самом общем виде эту двойственность можно охарактеризовать как взгляд *изнутри* и взгляд *извне*. Изнутри, как правило, открывается экзистенциальное измерение, извне видится его социально-историческое наполнение.

В статье об «Иванове», анализируя пессимизм Чехова, Скафтымов отмечает два аспекта этой проблемы: пессимизм как свойство объекта изображения и как свойство субъекта повествования. В первом случае пессимизм становится предметом социально-исторического анализа, освещаются его «источники, смысл и ценность», во втором он пронизывает всю ткань произведения, являясь следствием тоски, вызванной конечностью экзистенции. Скафтымов подчеркивает, что каждый из этих подходов порождает свой специфический набор композиционно-стилистических средств. А в статьях Скафтымова двум этим подходам соответствуют два разных языка описания.

Ту же диалектику исторического и экзистенциального обнаруживает Скафтымов, решая проблему соотношения комического и трагического в пьесах Чехова. Взгляд изнутри раскрывает пере-

живаемую героем трагедию экзистенциального одиночества, заброшенности, отчуждения. Взгляд извне видит лишь комическое, нелепое, социально неадекватное в его поведении. «С одной стороны, пьеса стремится оттенить и выдвинуть субъективную важность, серьезность и значительность той сосредоточенности, которая волнует данное лицо, а с другой – показать всю ее относительность, эмоциональную неразделенность и удивляющую или смешную странность в глазах других лиц»¹⁹.

Как отмечает Скафтымов, «каждый, общаясь с другими, живет только *вполовину* и в общей жизни участвует лишь частью, и притом наиболее *верхней частью* своей души, а то, что внутренне для каждого является наиболее дорогим и важным, оказывается лишним, никому не нужным и неосуществленным». Иначе говоря, «верхняя часть» отдана сфере социального, а глубинная, внутренняя обращена к экзистенциальному.

Эти сферы не являются взаимонепроницаемыми. Скафтымов показывает, как социальная дифференциация формирует различную психику, различный строй чувств, но механизмы формирования противоположных ментальностей сходны, и потому одинаково оправданы и горе Раневской, и радость Лопухина при сделке по вишневному саду. «Там воспоминания детства, и здесь воспоминания детства, там представление о родовой традиции, корнями уходящей в далекие поколения отцов и дедов, здесь тоже»²⁰. Тем неотменимее действуют эти всеобщие механизмы, становясь причиной взаимной отчужденности и непонимания. Следуя за Чеховым, Скафтымов включает социальную проблематику в экзистенциальный контекст.

Историческое не противоречит экзистенциальному. Напротив, временность, историчность и «ситуационность» экзистенции – модусы ее конечности. Экзистенция – всегда «бытие в мире», предполагающее национальные, социальные, биологические, психологические качества. Человеческое существование «заброшено» в определенную историческую ситуацию и вынуждено с ней считаться.

Но зона напряжения и непереводаемости между историческим и экзистенциальным существует. Она обнаруживает себя в вопросе о перспективах разрешения центрального конфликта. В социальной плоскости экзистенциальные конфликты не разрешаются. Это хорошо понимают и Чехов, и Скафтымов. Чехов последовательно показывает, что никакие индивидуальные или социально-политические решения ничего не меняют в общем течении жизни, в ее устройстве, а Скафтымов делает вывод: «Приход лучшего зависит не от устранения частных помех, а от изменения всех форм существования»²¹. Формулировки Скафтымова, касающиеся природы этого изменения, по необходимости расплывчаты, как расплывчаты устремления чеховских героев. Они мечтают «совсем перевернуть, отбросить настоящее и выйти

к каким-то новым и светлым просторам»²², «пожить какой-то другой жизнью»²³, они взыскуют «перемены всего содержания жизни»²⁴, «иноного, светлого существования»²⁵, «удовлетворения более общих светлых и поэтических запросов, охватывающих всю жизнь»²⁶, «конечного всеобщего счастья»²⁷.

Предельность притязаний чеховских героев заставляет Л. Шестова задаться вопросом: «Не выходит ли эта задача за пределы человеческих сил, человеческих *прав?*»²⁸, тем более что у чеховских героев нет других средств достижения этого идеала, кроме труда, страдания и терпения. С. Булгаков в статье «Чехов как мыслитель» так отвечает на этот вопрос: «Загадка о человеке в чеховской постановке может получить или религиозное разрешение или... никакого. В первом случае он прямо приводит к самому центральному догмату христианской религии, учению о Голгофе и искуплении, во втором – к самому ужасающему и безнадежному пессимизму»²⁹.

Но вопрос о вере в статьях Скафтымова эвфемистически заменен вопросом о «звучащей силе высших внеиндивидуальных целей»³⁰. Принять и стойко переносить личные страдания, по мнению А. Скафтымова, возможно лишь при наличии сверхличных, надындивидуальных целей: «Нужны идеалы и вера в своё призвание, для служения которым человек мог бы жертвенно отнестись к своей личной судьбе»³¹. Большей определенности формулировок не допускало не только время, но и материал. «Тотально секулярная религиозность»³², которую О. Николаева обнаруживает в творчестве Чехова, находит отражение и в статьях Скафтымова.

Полиглотизм статей Скафтымова о Чехове отнюдь не исчерпывается описанными здесь языками. Эти работы содержат свернутые программы новых языков, часть из которых актуализировали, например, поздние культурологические труды Ю. Лотмана, а часть, возможно, еще скрыта от сегодняшнего читателя, что обеспечивает научную долговечность и исключительную современность наследия А. Скафтымова.

Примечания

- 1 Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова // Скафтымов А. Собр. соч.: в 3 т. Самара: Век 21. Т. 3. С. 446–447.
- 2 Лотман Ю. Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю. Избранные статьи в трех томах. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 143.
- 3 Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова // Скафтымов А. Собр. соч. Т. 3. С. 411–412.
- 4 Скафтымов А. О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Скафтымов А. Собр. соч. Т. 3. С. 296.
- 5 Скафтымов А. Драммы Чехова // Скафтымов А. Собр. соч. Т. 3. С. 334.

- 6 Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. С. 473.
- 7 См.: Михайлов И. Экзистенциальный модус творчества А. П. Чехова : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2002 ; Лапушин Р. «...Чтобы начать нашу жизнь снова» (Экзистенциальная и поэтическая перспективы в «Трех сестрах») // Чеховиана : «Три сестры» – 100 лет : сб. ст. М., 2002 ; Спивак Р. В полемике с христианством : Чехов – экзистенциалист // Филолог. Пермь, 2004. Вып. 5. С. 46–54 ; Сендерович С. А. П. Чехов и Л. И. Шестов. А также кое-что об экзистенциальной социологии // Вопр. литературы. 2007. № 6. С. 163–178.
- 8 Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саду» А. П. Чехова. С. 383.
- 9 Там же. С. 385.
- 10 Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. С. 462.
- 11 Там же. С. 460.
- 12 Там же. С. 462.
- 13 Чехов А. Вишневый сад // Чехов А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1970. Т. 7. С. 370.
- 14 Скафтымов А. Драммы Чехова. С. 335.
- 15 Там же.
- 16 Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саду» А. П. Чехова. С. 415–416.
- 17 Там же. С. 414.
- 18 Там же. С. 377.
- 19 Там же. С. 380.
- 20 Там же. С. 382.
- 21 Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. С. 478.
- 22 Там же. С. 473.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 472.
- 25 Там же. С. 473.
- 26 Там же. С. 472.
- 27 Там же. С. 474.
- 28 Шестов Л. Творчество из ничего (А. П. Чехов). URL: <http://www.vehi.net/shestov/chehov.html> (дата обращения: 28.05.2014).
- 29 Булгаков С. Чехов как мыслитель. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak17.htm> (дата обращения: 28.05.2014).
- 30 Скафтымов А. Драммы Чехова. С. 332.
- 31 Там же. С. 333.
- 32 Николаева О. Мучитель наш Чехов. URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=43035> (дата обращения: 28.05.2014).

УДК 82.09

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ КАК ТИП ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (Статья первая)

А. А. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: adema4@yandex.ru

В статье рассматривается история изучения биографического жанра в литературе, формулируются его основные теоретико-методологические принципы, уточняется соответствующая терминология.

Ключевые слова: научная биография, жанр, история, методология, писатель.

Scientific Biography of a Writer as a Type of Literary Research (The first article)

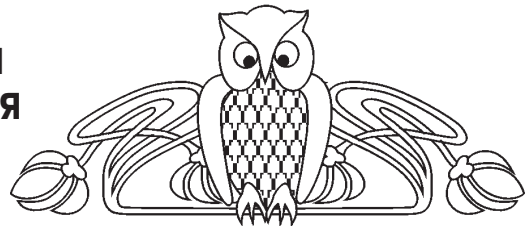
A. A. Demchenko

This paper examines the history of the study of the biographical genre in literature; its basic theoretical and methodological principles are formulated; the corresponding terminology is clarified.

Key words: scientific biography, genre, history, methodology, writer.

1

Создание научных биографий писателей продолжает оставаться насущной потребностью историко-литературной науки. «Подобные труды, – писал в свое время Н. Ф. Бельчиков, –

способствуют движению вперед научной мысли, поднимают уровень познания жизни и творчества того или иного писателя»¹. Сказанное видным литературоведом еще в 1965 г. продолжает сохранять свою научную оценку. Актуальность изучения биографии писателя формулируется в наши дни А. А. Холиковым²

Существующие научные биографии до сих пор крайне малочисленны. Приближающихся к ним по типу труда книг немного: работы об А. С. Пушкине (Б. В. Томашевского, 1961) и М. Ю. Лермонтове (Н. Л. Бродского, 1945) остались незавершенными; законченными монографиями (мы постоянно будем иметь в виду писателей XIX в.) стали издания о Н. А. Некрасове, В. Г. Белинском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Н. Г. Чернышевском³. Одна из причин редкого обращения литературоведов к научным биографиям заключается, вероятно, в их особой трудоемкости: научно-биографические изучения требуют многолетних усилий. Другая причина кроется, по-видимому, в недостаточной теоретической разработанности типа исследования. Обычно авторы избегают обозначения «научная биография» и пользуются